

Магавариани А.Д.

23/IX 88

Заря Востока
г. Тбилиси

12 3 СЕН 1986

● ЛЮДИ ИСКУССТВА

БЕЗГРАНИЧНАЯ МАГИЯ МУЗЫКИ

Писать об Алексее Давидовиче Магавариани легко, и одновременно трудно. Легко, потому что вся жизнь и деятельность композитора, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР протекает на наших глазах. Вместе с тем все его взлеты, успехи и достижения настолько известны и так ярко вписались в историю советской музыки, получив достойную оценку и найдя свое место в музыкальной жизни, что прибавить что-либо новое, говоря о его творчестве, — задача нелегкая.

Сочинения Магавариани издавались в Польше, США, ФРГ, Японии... В Парижском балетном театре идет созданный на основе его балетной симфонии балет «Король должен умереть». Уже и сейчас такие сочинения А. Магавариани, как скрипичный концерт, оратория «День моей Родины», симфонии, ряд романсов и инструментальных пьес прочно вошли в репертуар и являются золотым фондом советской классики.

Триумфальное шествие по сценам разных городов совершил балет «Отелло». Он поставлен в Токио, Будапеште, Хельсинки, Ленинграде, Куйбышев, Одессе... Композитор успешно разрешил труднейшую творческую задачу — воплотить в музыкальных образах трагедию Шекспира.

После «Отелло» могучие образы Шекспира еще раз завладели творческой фантазией грузинского композитора. Он написал оперу «Гамлет», которая ждет своего сценического воплощения.

В апреле 1985 года на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. Кирова состоялась премьера балета «Витязь в тигровой шкуре». На этой же сцене вновь зазвучит музыка А. Магавариани — принят ко второй постановке балет «Отелло», но уже в новой редакции.

Оглядываясь на творческую биографию Алексея Давидовича, думаешь о том, что кажется он перепробовал себя практически во всех жанрах, исчерпал свои возможности. Сразу же хочу оговорить, что, несмотря на это разнообразие, А. Магавариани всегда следует своему девизу — быть искренним до конца, превыше всего ставить естественность и эмоциональную силу высказывания, воспевать душевную красоту человека.

— Алексей Давидович, магия музыки безгранична. И все-таки почему именно музыка? Когда вы осознали, что это ваше призвание?

— В детстве я воспринимал музыку как часть бытия, такую же естественную и необходимую, как сон, еда. Мыблизировались в нашем доме все — папа, бабушка, тети. Мама, у

нее было прекрасного тембра сопрано, пела в хоре Голчидазе. Мы — три брата — учились игре на рояле, скрипке.

— Можете ли вы сказать, кто повлиял на формирование вашего музыкального мировоззрения?

— Трудно сказать здесь что-либо конкретное. Ведь личность человека начинает формироваться с самых ранних лет. В доме своего отца я видел тогда еще молодых литераторов — Константина Гамсахурдиа, Сандро Шаншиашвили, Иосифа Гришашвили. В нашем доме бывали и другие деятели грузинской культуры — Геронтий Кикодзе, Осико Бараташвили... Конечно, разговоры взрослых не могли не влиять на меня, направлять мои интересы. Нередко в гостях у нас бывал и Ваню Мурадели. Он поражал меня многогранностью интересов, любовью к музыке.

Почти каждое лето в цхинвальском доме бабушки собирались наши друзья. Среди них был и Григорий Киладзе, который стал моим педагогом в консерватории по инструментовке, композиторы Арчил Кереселидзе, Акакий Андрушвили... Это были незабываемые дни, незабываемые беседы. Устраивали друзья нашего дома и импровизированные концерты, в которых принимал участие и я.

— А кто из композиторов особенно дорог вам?

— Я люблю многих. Однако каждого по-разному. Преклоняюсь перед творчеством Захария Палиашвили. Он поднял могучий пласт — дал нашей музыке духовное начало, возобновил старую школу грузинских музыкантов.

В 1930 году я, покинув Гори, приехал в Тбилиси поступать в консерваторию. Во время приемных экзаменов меня проверил сам Захарий Петрович. Но слабое знание теоретических предметов подвело меня, и я оказался зачисленным на факультет, где готовились клубные работники.

«Ты ничего не знаешь!» — сказал мне тогда Захарий Петрович. — Подзанимайся один год, а затем я зачислю тебя на композиторский...» Про-

шел год, никто не напомнил Палиашвили о нашем разговоре, и он, вероятно, сам об этом позабыл. Тогда-то я, набравшись смелости, решил напомнить ему о себе. Зашел в его кабинет и завел речь о нашей прошлогодней беседе. Палиашвили рассеянно переспросил: «Да? Я обещал?». Если обещал, значит выполню...» И он отдал приказ о моем зачислении на композиторское отделение. Так по воле Палиашвили решилась моя судьба.

— А когда вы начали писать музыку?

— Я учился в горькой общеобразовательной школе. Педагоги — высокообразованные люди, хорошо знали и любили музыку, играли на различных инструментах. Преподаватель химии Т. Алиханов был превосходный скрипач. Педагог географии Д. Касрадзе музыкальное образование получил в Варшаве.

В пору юности большую роль сыграли в моей судьбе такие замечательные педагоги, как Петр Борисович Рязанов, в классе которого я занимался, и Андрей Мелитонович Баланчивадзе, у которого я впоследствии много лет работал ассистентом по классу композиции. Баланчивадзе как выдающийся педагог и композитор очень интересно работал со своими учениками. В первую очередь он прививал им высокий вкус и исключительно трезвое самокритичное отношение к творчеству. Я многое постиг как композитор, присутствуя именно в тот период на всех уроках и лекциях Андрея Мелитоновича.

— Алексей Давидович, уже много лет вы преподаете в Тбилисской государственной консерватории имени В. Сарджишвили. Как по-вашему, на что надо ориентировать молодежь, чтобы не сломаться, не покорежился хрупкий, еще не сформировавшийся талант?

— Учеников было много. Но я с гордостью могу назвать среди них такие известные сегодня имена, как Ф. Глonti, Т. Шавлохашвили, Г. Джанаридзе, Ш. Давидов, М. Одазели, И. Геджадзе, Г. Пааташвили...

Изю всех сил стараюсь я не навязывать студентам своих, уже сформировавшихся взглядов, своих решений. На собственном опыте знаю, чем это чревато. Раскованность, выявление собственной индивидуальности — первое, что я пытаюсь воспитать в своих учениках. Ведь что может быть самым главным для композитора, если не индивидуальность? Поэтому если я вижу, что молодой человек может быть, но очень точно

владеет формой, но он знает, что хочет сказать, что он страдает, что его что-то волнует, радуется или огорчает, тогда ему надо дать возможность и кричать от радости, и рыдать от боли, и только тогда родится истинная музыка.

— Способность творить, на ваш взгляд, свойство врожденное или приобретенное?

— Врожденное. Не каждый, умеющий рифмовать, — поэт. Поэтический дар не обретешь, проучившись в литературном институте, музыкальный — в консерватории. Необходимо то, что называется призванием.

Процесс творения стар, как мир. Тем не менее учебника, обучающего, скажем, созданию стихов, нет. Есть книги о поэтике, поэзии, но нет учебника, как делать стихи. Нет и никогда не будет учебника о том, как создается музыка. Способность творить — сугубо личное богатство человеческого интеллекта, достояние его разума.

— Какие качества должны, по-вашему, быть присущи современному творцу?

— В наше время творческий процесс исключительно сложен. Он требует большой наблюдательности, высокого уровня интеллекта. Вдохновение, творческий взлет — это еще не решающие факторы в искусстве. Часто и вдохновение и взлет исчезают бесследно, если они лишены таких союзников, как пытливость творческого ума, сила творческой воли и обостренное чувство современности. Главное я вижу в том, чтобы художник и современный ему общество хорошо понимали друг друга, чтобы художник стоял на уровне требований

матургии и языка в понимании времени, т. е. стремлении найти новые выразительные средства и вместе с тем избежать буквализма.

— Как вы понимаете красоту в музыке?

— Есть еще немало «новаторов», идейное кредо которых отрицает содержание в музыке, отрицает мелодию и даже высоту звука, отрицает жанры программной симфонии, музыкальной картины или поэмы... Такое искусство бессмысленно. Оно ведет к моральному опустошению человека. Конструкторы подобной музыки не получили широкого признания у слушателя.

Вот почему я утверждаю: красота и жизнестойкость подлинного искусства — в его народности, в его самовыражении народного духа. Народность искусства — это фундаментальное понятие. Огромные успехи в развитии музыки за последние два века есть, на мой взгляд, прямой результат воздействия народной музыки. Если природный цвет и свет создают колорит изобразительного искусства, то народная музыка, вся неиссякаемая палитра народных мелодий — это великодушная почва для профессиональных композиторов. Сказанное относится и к лучшим созданиям ведущих мастеров XX века. Если говорить о грузинской музыке, то в этом — суть творческих побед многих моих коллег.

— Какой из музыкальных жанров в настоящее время вы считаете ведущим?

— Некоторые композиторы заявляют, что их не интересует слушательская аудитория, не интересует, будет ли понята их музыка. Это неправда. Любой композитор не может об этом не задумываться. Я считаю, что те жанры становятся ведущими, вокруг которых существует достаточная аудитория и которые способны вызвать общественный резонанс.

— Что скажете вы о проблеме слушателя?

— Конечно, слушателей надо воспитывать. Испортить вкус в молодом возрасте значит на всю жизнь травмировать психику человека.

Надо чаще устраивать высокохудожественные музыкальные спектакли, надо, чтобы на нашей концертной эстраде выступали выдающиеся исполнители. Тогда люди будут с большим удовольствием ходить на концерты. Ведь разве увлечешь кого-либо, если в течение многих лет не обновляются, скажем, репертуары оперных театров, редко звучит со сцены музыка современных композиторов, а за дирижерскими пультами из года в год стоит один и тот же дирижер.

возможность слушать записи концертов, опер в исполнении великих певцов, скрипачей, пианистов, прекрасных оркестровых ансамблей, огромная ответственность ложится на местные исполнительские коллективы. Я считаю, что решить проблему можно только, подняв исполнительскую культуру наших коллективов до уровня мировых стандартов.

— Алексей Давидович, известно, что с большим успехом в Ленинграде прошел ваш балет «Витязь в тигровой шкуре». Что вас побудило обратиться к поэме Руставели?

— Обращение к бессмертному творению Шота Руставели было для меня необходимо так же, как воздух. Дружба и верность, любовь и уважение, доброта и рыцарство, воспетые Руставели, всегда привлекали меня. Гениальная поэма «Витязь в тигровой шкуре» вошла в сердце каждого моего соотечественника, как говорится, с молоком матери. Она питала и питает наше национальное самосознание, нашу национальную гордость.

Музыка волшебной речи Руставели вдохновила многих коллег на создание сочинений. Тем сложнее было сказать новое слово. Да еще в таком «бессловесном» жанре, как балет. И здесь мне пришел на помощь не только сам Руставели, но только немалый опыт, накопленный в симфонических сочинениях и музыкально-драматических воплощениях трагедий Шекспира. Во многом помогали мне и замечательные открытия грузинских ученых, в частности, Акакия Шанидзе и Шалвы Нуцубидзе.

— Собираетесь ли вы вновь обратиться к балету?

— Думаю, что да. В процессе общения с постановщиком балета «Витязь в тигровой шкуре» Олегом Виноградовым возникла идея создать спектакль на тему жизни художника. Героем его будет Пиросмани.

Недавно я закончил новую работу — балет «Укрощение строптивой». Думаю, что со временем и он воплотится в жизнь. Кроме того, я с увлечением работаю над новой симфонией № 7. Условное ее название «Прометей». Наверное, закончу ее к концу года. Так что, как видите, стараюсь встретить свое семидесятилетие не с пустыми руками.